

Ф. А. СМИРНОВ

**Личные свойства Мухаммеда
и отражение их в Коране**

<Фрагмент>

Все мусульмане с необыкновенным благоговением относятся к своему пророку.

Они произносят имя «Мухаммед» не иначе как с присовокуплением слов: «Да будет над ним мир и благословение Божие».

В начале каждой книги мусульманской ему сплетается автором венок из разных эпитетов.

В предисловии, например, в «Асбабуль-Нузуль» мы читаем: «Благословение и мир господину нашему Мухаммеду, драгоценнейшему из всех творений, из числа неарабов и арабов и чистейшему по рождению» (с. 2). Таково уже отношение всех заблуждающихся к виновникам своего заблуждения. И китайцы называют Конфуция «верхом рода человеческого, вершиной святости, примером и учителем государей»¹. Поэтому при суждении о личности Мухаммеда мы должны иметь в виду не голословные эпитеты, придаваемые ему его поклонниками, а действительные факты его жизни и деятельности.

Самым первым и несомненным фактом нужно признать принадлежность его к арабской национальности. По-видимому, факт этот не имел никакого влияния на законодательную книгу мусульман. Если бы можно было указать на что-либо в данном случае, так это только на то, что книга их написана на арабском языке. Но на это мусульманин с полным правом ответил бы, что иначе и не могло быть — не потому только, что пророк был араб, а потому, что книга предназначалась для арабов, и такой ответ признали бы резонным².

¹ *Пасторет*. Зороастр, Конфуций и Магомет. Т. 1. М., 1793. С. 139.

² Ренан даже иронизирует над одним полемистом за одну попытку поставить мусульманину вопрос: почему Коран написан не на более распространенном языке, а на арабском? (см.: Магомет и начало ислама. С. 36–37).

Но, говорим, таким этот факт представляется только с первого взгляда. В действительности же он имел несомненное влияние на мнимые откровения Мухаммеда.

Дело в том, что национальность составляет для людей тот «*idolum-tribus*», который больше, чем что-либо другое, препятствует человеку верно оценивать другие общества и народы, каким бы космополитом он ни был. У первобытных людей этот идол проявляется во враждебном отношении и в неприязненных суждениях о других нациях «как о варварских». В развитом сознании под влиянием национальной точки зрения люди приписывают своей нации разные преимущества перед другими и большее значение среди других наций. Даже великие мыслители не могут отрешиться в своих суждениях от национального чувства. Виктор Гюго, например, называет Францию спасительницей наций, тогда как французские идеи едва ли не больше других нуждаются в иностранном влиянии³. Известный историк философ Гизо приписывает своей нации честь инициативы и учительства в более совершенных формах правления и общественного строя⁴; Бокль же говорит, что нигде не сменялись так правильно и генетически формы социальной жизни, как в его отечестве, то есть в Англии⁵.

Русский патриот предвещает своему народу великую миссию примирителя всех народов и, между прочим, видит преимущество духовной организации русского человека в том, что он способен всех изучить чужой язык⁶. Понятно, так могут рассуждать только обыкновенные люди. У боговдохновенного же писателя таких узких симпатий быть не должно. В религии, говорит святой Апостол, «нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его»⁷. Нет ли теперь в Коране арабских национальных привязанностей Мухаммеда? Несомненно, есть. Во-первых, он отдает арабскому народу полное предпочтение пред всеми другими народами. Вы, говорит он арабам, самый лучший народ из всех, какие возникали среди людей (3: 106)⁸. Конечно, такая речь арабам не могла не понравиться, и ею Мухаммед подкупил не одного араба. Но что подумает об этой

³ Спенсер. Изучение социологии. 1874. Т. 2. С. 324.

⁴ Гизо. История цивилизации Европы.

⁵ История цивилизации в Англии.

⁶ См. «Дневник писателя» Достоевского.

⁷ Рим. 10: 12; 1 Кор. 12: 13.

⁸ Здесь разумеются не вообще мусульмане, а арабы, которым, по толкованию Абдул Кадира, Мухаммед высказывает этим стихом похвалу за войну с неверными. *E. M. Wherry. A comprehensive commentary on the Quran. London, 1882.*

речи человек другой нации и позволительны ли такие слова в устах пророка, возвещающего веру в Бога, у которого все народы равны, как происшедшие от одного сотворенного Им родоначальника? Не сказал ли бы Мухаммед того же и о другом народе, если бы сам принадлежал к нему?

Во-вторых, под влиянием национальной точки зрения Мухаммед превозносит в Коране арабский язык⁹. По его словам, Коран потому и ниспослан на арабском языке, что этот язык самый превосходный. Однажды арабы, удивленные тем, что Мухаммед выдает Коран за откровение, написанное на небе в особых свитках, спросили его: почему же Коран не написан на небе на каком-либо иностранном языке?¹⁰ Мухаммед в ответе своем не отрицает возможности для Бога послать арабам Коран с неба на иностранном языке, но объясняет свою речь превосходством арабского языка: «Если бы Мы, — сказал он, — изложили его (Коран) на иностранном языке, то они непременно сказали бы: о, если бы его знамения были изложены ясно! Иностранная речь то же ли, что и арабская?» (41: 44). Эта же национальная привязанность, несвойственная религиозному реформатору, причина того, что мусульмане-неарабы не понимают Корана и не переводят его на родной язык ради мнимой ясности арабского.

Наконец, в-третьих, национальность Мухаммеда сказалась в Коране на всех тех обрядовых и гражданских узаконениях, которые он установил в арабском вкусе, вопреки влиянию лучших религий и часто вопреки первоначальному своему слову. Известно, что сначала он сделал очень много различных постановлений по иудейскому образцу, а потом изменил их сообразно с арабскими привычками, например, о кыбле¹¹, о посте, об употреблении вина и др. Только узконациональная точка зрения могла допустить эти непримиримые с здравым смыслом скачки Мухаммеда.

Как араб по нации и мекканец по происхождению, Мухаммед должен был заниматься торговлей. Известно, что Мекка лежит в бесплодной песчаной долине — ни полей, ни хороших пастбищ, ни морского берега. Природа не дает здесь никаких ресурсов для жизни. А между тем по своему географическому положению пункт этот предназначен для выгодной транзитной торговли. Оттого с неза-

⁹ См.: Коран 6: 65; 12: 2; 16: 105; 19: 97; 26: 192, 195; 39: 29; 41: 44; 44: 58; 46: 11.

¹⁰ Асбабуль-Нузуль.

¹¹ Так называется место, куда мусульмане обращаются во время молитвы. Мухаммед сначала назначил кыблю Иерусалим, а потом Мекку.

памятных времен мекканцы сделались купцами, устраивали склады товаров и снаряжали караваны, которые беспрестанно проходили через их город из Южного Йемена и Хиджаза в Северную Сирию и обратно. Род Мухаммеда тоже принадлежал к мелким купцам. Отец его держал верблюдов и ходил с ними в разные пункты Сирии. Торговые наклонности пробудились в Мухаммеде очень рано. Еще будучи мальчиком двенадцати лет, он заставил слезливыми просьбами дядю своего Абу-Талиба взять его с собой в торговое путешествие. Дальнейшая судьба его — сначала как приказчика, а потом как мужа богатой купчихи — сделала из него ловкого торговца и достойного согражданина корейшитов.

Обыкновенно бывает так, что образ занятий известного народа, сословия и личности проявляется не только во внешнем виде, привычках и поведении, а и в самой речи их. Мореплаватель часто выражается образами, взятыми из состояния моря. Язык воина наиболее богат терминами из области военных действий. В речи путешественника чаще слышатся сравнения и картины, снятые с природы. Мы знаем, что частые путешествия по пустынной Аравии, под сияющими звездами, чистым небом дали Мухаммеду богатый запас поэтических описаний песчаной степи. Занятие торговлей и постоянное наблюдение торговых операций тоже сказались на его языке и выражениях в Коране. Цена, торговля, купля, прибыль, весы, замен, договор — все эти термины из сферы торговых занятий и впечатлений он невольно переносил в Коран, когда оставил торговлю и выступил в качестве религиозного проповедника. Говоря, например, о нечестивых и их судьбе, он так выражается: это такие люди, которые взяли себе ложь взамен истины: не прибыльна их торговля (2: 16); они ничтожною ценою оценивают знамения Бога (9: 9).

У праведных тоже как бы происходит торговля: они ждут торговли, которая не будет неприбыльна; плату им Он даст верно (35: 36–37).

День суда им изображается происходящим как бы в магазине купца.

В тот день, говорит он, взвешивание дел будет верным; чьи весы спустятся под тяжестью, те будут блаженны; а чьи весы поднимутся от легкости, те сами себя сделают несчастными (7: 7).

Обличение иудеев он заканчивает восклицанием: как ничтожна цена того, за что продают они себя (2: 73, 84, 96).

Самого Бога под впечатлениями своего прошлого торгашества Мухаммед не мог представить лучше, как в образе купца, который

покупает, платит и заключает договор. Так, говорит он, «Бог купил у верующих жизнь их и имущества их, платя им за них раем... Кто в своем договоре вернее Бога? Так радуйтесь о вашем торге, которым вы сторговались с Ним» (9: 112).

По выражению Корана, у Бога можно купить будущую жизнь за настоящую (4: 76). Таким же образом объясняется и частое повторение в Коране выражения о променивании знамений Божиих на малоценное... Нельзя сказать, чтобы это влияние торгашества Мухаммеда ограничивалось в Коране только образцами выражений его. Нет, оно простиралось на самую мысль его. Он, например, особым стихом рекомендует арабам рисковать своим имуществом в торговых сделках и позволяет, ради ожидаемого барыша, даже расточать имущество. «Верующие! — читаем мы в Коране, — не расточайте ваших имуществ, употребляя их между собою на пустое, кроме таких случаев, когда будут между вами торговые сделки по взаимному согласию» (4: 33).

Значит, в торговых сделках можно употребить имущество и на пустое? Но так, очевидно, мог сказать только самый восторженный купец.

В характеристике умственных способностей Мухаммеда мы не имеем никакого права отказывать ему в качествах ума, свойственных вообще восточным людям. Ничем более не отличается в этом отношении восточный человек от европейца, как своим воображением. Фраза «восточная фантазия» приобрела, кажется, такое значение, что ею лучше всего характеризуется ум восточных людей. Но что нужно разуметь под этим выражением? Прочтите известные и знаменитые арабские сказки «Тысяча и одна ночь», и вы получите полное понятие о восточной фантазии. Там если выводится царь, то самого богатого и великого царства; если этот царь терпит оскорбление, то от измены любимейшей и прекраснейшей царицы; если царица изменяет царю, то с самым презренным из рабов; если царь хочет отомстить царице, то рубит голову, и не ей только, а еще тысяче женщин; если он хочет избавить себя от обиды со стороны жены, то решает отрубать голову каждой новобрачной на первое же утро после брака и так делает каждый день, без конца. Таковы контрасты и шаги широкой восточной фантазии. Так как ислам явился на Востоке, то в развитии его у ученых мусульман мы на каждом шагу встречаемся с полетами этой фантазии. Если мусульманский богослов хочет изобразить величие ангела в сравнении с человеком, то говорит, что «в водах глаз каждого из них может плавать корабль целые годы, что пространство от плеча ангела до оконеч-

ности его уха равняется 700 лет пути, что расстояние между ухом и глазом равняется 500 лет птичьего полета, что ямочка большого пальца у ангела может вместить в себе все воды мира, если бы их вылить туда»¹². До чего жизненны эти фантастичные описания предметов, которые едва поддаются воображению, можно судить по их влиянию на мусульман. Даже современные, мнящие себя учеными, русские мусульмане не могут отрезвиться от очевидных преувеличений. Желая, например, сказать об образовании арабов в Средние века, один из них совершенно откровенно заявляет, что халиф Хаким собрал библиотеку в 600 000 томов, что он прочитал все книги своей библиотеки, один каталог которой состоял из 44 томов, и оставил на каждой из книг свои заметки¹³. Таким образом, самые замашистые преувеличения, с длинными рядами нулей цифры, самые крайние контрасты и полнейшая противоположность действительности составляют особенность восточной фантазии в отличие от европейского идеального творчества, более близкого к реальной жизни, более естественного, остроумного и назидательного.

Будучи истинным сыном восточных родителей и воспитателей, Мухаммед неизбежно, по естественному закону, отличался восточным воображением. Обстоятельство это в высшей степени рельефно отобразилось на вероучительной книге ислама. Произнося разные речи арабам от лица Самого Бога, он, конечно, не замечал, что Бог его говорит не общечеловеческим языком, а языком восточного человека; вследствие чего в Коране мы часто встречаемся с такими выражениями, которые европейцу покажутся только наивными и смешными. Вот примеры. Если для выражения неограниченности Бога условиями времени священному писателю достаточно было сказать, что пред Господом день один, как тысяча лет¹⁴, — то Мухаммед, услышавши это от «людей Писания», почел недостаточным сказать так. Течение дня, говорит он, у Бога пятьдесят тысяч лет (70: 4).

Чтобы выразить богатство некоего современника Моисея Каруна, он опять не перечисляет количества стад его, людей, семейных и т. п., как это делает священный писатель при описании богатства Иова например, а употребляет самую неправдоподобную фразу:

¹² *Arnold*. Islam, its history, character, and Relation to Christianity. London, 1874. С. 201–202 (по Мишкатуль-Масабиг — 2 т. 651 и Айну-ль-Хайят — 26 л.).

¹³ Автор книги «Отношения ислама к науке» (1887) с.-петербургский мулла Атаулла Баязитов, повторяющий приведенные слова два раза: см. 9 и 14.

¹⁴ См.: Пс. 89: 5; 2 Петр. 3: 8.

«Мы доставили ему столько драгоценностей, что ключи от них едва могла носить толпа людей сильных» (28: 76).

Вследствие этой бессознательной восточной фантазии Мухаммеда самые известные и назидательные библейские факты передаются в Коране дико, уродливо и весьма неправдоподобно. Вот как просто и естественно говорится в книге Моисея о красоте Иосифа: «Иосиф же был красив станом и красив лицом. И обратила взоры на Иосифа жена господина его»¹⁵. Для Мухаммеда этой картины недостаточно. Он заставляет жену господина Иосифа пригласить других женщин, чтобы они подивились красоте Иосифа, и положить пред ними ножи, чтобы они от удивления порезали себе руки. «Когда они увидели его, — говорит Мухаммед, — то пришли от него в испуг, порезали себе руки и говорили: ей Богу, это не человек, это восхитительный ангел» (12: 30–31).

Известно, что евреи при горе Синайской в отсутствие Моисея заставили Аарона отлить тельца: «И он, — говорится в Библии, — сделал литого тельца и обделал его резцом»¹⁶.

Мухаммед и этим не удовлетворяется. Чтобы усилить тяжесть вины евреев, он по своему воображению заставляет в Коране этого литого тельца замычать: «И вылил, — сказано в Коране, — для них тельца и он мычал (20: 90) и сделал себе народ животное мычащее» (7: 146).

История Давида и Соломона в Библии проста, естественна и назидательна. В Коране же она доходит до нелепости. Чтобы показать мудрость Соломона, Мухаммед не рассказывает о действительном проявлении проницательного ума его, а представляет его в чисто восточном, сказочном виде — знающим язык птиц, разговаривающим с муравьями и т. п. У него будто было войско из гениев, людей и птиц, он будто подслушал совет муравья войску, улыбнулся и рассмеялся от этого; он делал осмотр птицам и, когда не нашел потатую, разгневался, хотел его зарезать, но выслушал от него объяснение и простил (27: 15–45). Ему Бог покорил ветер, который по его повелению несся тихим веянием туда, куда он хотел, и демонов, которые все были или строителями, или водолазами, и прочих, связанных цепями (38: 35–37): «Из демонов были некоторые у него водолазами для ловли жемчуга и кроме того делали другие дела» (21: 82).

Давиду, по словам Корана, Бог тоже подчинил горы и птиц, чтобы с ним они восхваляли Его (21: 79).

¹⁵ Быт. 39: 6–7.

¹⁶ Исход 32: 1–5.

Под тем же влиянием искажена Мухаммедом история об Аврааме. В 15-й главе Книги Бытия говорится, что в удостоверение святейшего патриарха относительно многочисленности его потомства Бог велел ему принести в жертву трилетнюю телицу, трилетнюю козу, трилетнего овна, горлицу и молодого голубя. Он, говорится далее, взял всех их, рассек их пополам и положил одну часть против другой; только птиц не рассек. И налетели на трупы хищные птицы, но Авраам отгонял их¹⁷.

Мухаммед не мог понять знаменательного чуда, и вот в какой фантастичной форме передает библейское событие. «...Бог сказал Аврааму: так возьми четырех птиц, разрежь их на куски, какие ты хочешь, и части их разложи по горам; потом позови их; они быстро прилетят к тебе; из этого узнай, что Бог силен, мудр» (2: 262).

Мусульмане, унаследовавшие вместе с другими способностями, характеризующими восточных людей, и восточное воображение, не могут замечать дикости и неправдоподобности этих коранических выражений и описаний. Эти перлы художественного творчества Мухаммеда даже нравятся мусульманам более, чем, например, чернокожему негру нравится угольный цвет лица, толстые губы и широкий приплюснутый нос. Но людям, свободным от этих своеобразных вкусов, понятны эти частности. Если сравнить приведенные из Корана наиболее фантастические выражения с подобными им образами других восточных произведений, то получилось бы удивительное сходство в полетах воображения. Вот, например, как говорит Мухаммед о силе и тяжести Корана: «Если бы мы ниспослали этот Коран на какую-нибудь гору, то ты увидел бы, как она понизилась бы и распалась бы на части от страха Божия. Таковые образы мы представляем людям с тем, чтобы они размыслили» (59: 21).

Так тяжеловесен Коран! Но как самая идея о массивности его, так и выражение ее свойственны только восточному человеку и потому на Востоке не новы. Мы знаем, что о сочинениях Зороастра персы говорили, что каждый из двенадцати его томов так был тяжел, что один вол едва мог везти его¹⁸. Спрашивается, что же было бы тяжелее: Коран или вся сумма того, что мог написать Зороастр? Оказывается, таким образом, что самая попытка возвеличить Коран приводит только к смешному, как уродливая с точки зрения европейской мысли, чуждой восточной оболочки.

¹⁷ Быт. 15: 9–10.

¹⁸ *Пасторет*. Т. 1. С. 17.

Приведенные нами примеры суть более наглядные проявления этой туземной способности автора Корана. Менее, так сказать, выпуклыми следами ее следует признать те многочисленные изречения мнимого пророка, которые касаются разнородных предметов его убеждения и которые мог высказать, равно как и принять, только восточный человек. Таковы, например, стихи о том, что Коран находится в свитках на небе, что к Мухаммеду приходил ангел и разговаривал с ним «на расстоянии двух луков», что в войнах мусульман помогали тысячи ангелов и дьяволов, что «спутников слона»¹⁹ поражали некогда стаи птиц обожженными камнями и т. п.

Помимо резко поражающих своею неестественностью сочетаний и крайнего легковерия, восточное воображение не представляет ничего роскошно разнообразного в своих построениях. Оно, как бы обиженное дикооднообразною природой, в которой негде развернуться и неоткуда взять материала для своей переработки, поражает своим однообразием. Творчество араба так же скучно и монотонно, как однообразна и бедна пустыня Аравии. Эта монотонность более всего проявляется в одинаковых выражениях и буквальных повторениях одной и той же фразы бесчисленное множество раз. В самом известном и самом поэтическом народном произведении арабов, в тех же сказках «Тысяча и одна ночь» по раз заведенному порядку начинается и кончается каждый рассказ дочери министра, в одной формуле, в присутствии того же царя и сестры рассказчицы; притом рассказы ведутся на одну тему — о путешествиях и о превращениях в какое-нибудь животное. В этом отношении арабские сказки ничем не отличаются от монотонных рассказов русских татар. Вот, например, в одном очень распространенном среди татар и написанном не без влияния арабских легенд «Рассказе о Соломоне»²⁰ говорится: пришло к Соломону солнце и сказала: «О Соломон! соверши, пожалуйста, за меня одну молитву! Твоя молитва у Всевышнего будет принята». Соломон ответил: «Ты сегодня иди, я посоветуюсь с подданными своими и завтра дам тебе ответ»... Пришел к Соломону месяц и сказал: «О Соломон! соверши, пожалуйста, за меня одну молитву! Твоя молитва пред Всевышним будет принята»... Соломон сказал: «Ты сегодня иди; я посоветуюсь с подданными своими и завтра тебе дам ответ». Та же беседа у Соломона происходит — и описывается в тех же выраже-

¹⁹ См.: Коран, 105 гл.

²⁰ Русский перевод и разбор этого рассказа Г. Михайловым см.: Оренбургские епархиальные ведомости. 1889. № 10 и 11.

ниях — с водой, ветром и змеем. Этой бледной стороны восточного воображения не победил и Мухаммед. Правда, в Коране, именно в меккских главах, речь пересыпается разнообразными картинками аравийского путешественника; но тут видишь и обратную сторону медали. Так же, как в татарской сказке о Соломоне, у него часто повторяются совершенно одни и те же выражения, хотя бы речь велась и от других лиц и к другим слушателям. Особенно характерны в этом отношении места из речей пророков, выводимых Мухаммедом. Вот, например, как сказала у него в Коране эта бесцветная сторона восточной фантазии. В 26-й главе о Ное говорится: «Соплеменники Ноя посланных к ним считали лжецами. Вот брат их Ной сказал им: не убоитесь ли вы Бога? Действительно, я к вам верный посланник; а потому, убийтесь Бога и повинуйтесь мне. Не прошу с вас за это никакой награды; награда мне только у Господа миров» (26: 105–109).

В той же главе о Иуде читаем: «Гадяне посланных к ним считали лжецами. Вот брат их Гуд сказал им: не убоитесь ли вы Бога? Действительно, я к вам верный посланник; а потому убийтесь Бога и повинуйтесь мне. Не прошу с вас за это никакой награды; награда мне только у Господа миров» (26: 123–127). О Салихе Мухаммед говорит тоже самое: «Фемудяне посланных к ним считали лжецами. Вот брат их Салих сказал им: не убоитесь ли вы Бога? Действительно, я к вам верный посланник; а потому убийтесь Бога и повинуйтесь мне. Не прошу у вас за это никакой награды; награда мне только у Господа миров» (26: 141–145).

Совершенно в тех же словах далее говорится о Лоте (160–164 ст.) и о Шогайбе (176–186 ст.). Такую же тавтологию можно было бы привести и из 7-й и из 11-й главы. Но для нас довольно и этих примеров.

Мусульманский апологет никакими софизмами не может оправдать пред здравым смыслом это попугайство Мухаммедовых пророков. Во-первых, одни и те же слова в устах разных пророков и в обращении к разным народам подрывают веру в них. Во-вторых, в книге, которая выдается за копию с небесных свитков, эти повторения составляют такой балласт, который тем менее уместен в ней, чем она выше какой-нибудь сказки. Сказать, что Бог влагал в уста пророков одни и те же слова потому, что они должны были передать одну и ту же истину, нельзя, потому что в 7 и 11 главах эта мнимая истина выражается в других словах. Те же Ной, Гуд, Салих, Шогайб и Лот в главе 7 повторяют фразу: «Народ мой! поклоняйтесь Богу: кроме Его у вас нет другого Бога; истинно, я боюсь наказания вам

в великий день» (ср.: 57, 63, 71, 78 и 83 ст.); а в главе 11: «Народ мой! поклоняйтесь Богу; кроме Его нет у вас никого достойного поклоняемого» (ср.: 52, 64, 85, 27 и 79 ст.).

Разница эта в выражениях показывает, что Коран приводит не тождественное с действительностью описание речей пророков, но или приблизительно верное, или совсем неверное, но в том и другом случае описывается бледно и по-восточному. Нельзя мухаммеданину сказать в оправдание этой тавтологии пророков и того, что в этих трех главах (7, 11 и 26) описываются три разные беседы всех поименованных пророков. Если бы в этих главах разумелись разные беседы пророков к своим народам, тогда хотя в какой-нибудь одной бы из них не говорилось о том, что Салих на требование от него знамения указал на верблюдицу и что ее народ убил и был истреблен: повторение этих фактов невозможно; между тем этот рассказ повторяется во всех трех главах (7: 7–77; 11: 64–71; 26: 141–159).

Итак, многократность рассказов о них в книге божественной нецелесообразна, а разность в этих рассказах невозможна. Тавтология, встречающаяся в Коране, с здоровой логикой непримирима и была следствием не чего-нибудь другого, как той бледности творческой способности Мухаммеда, с какой пишутся разные сказки.

Если такая способность, как воображение, дается природой, то другие умственные деятельности более всего зависят от саморазвития и образования личности. Насколько же был образован Мухаммед?

О школьном обучении или начитанности его не может быть и речи. Большинство биографов, в том числе и мусульманских, отказывают ему в чести знать грамоту. Сам он называет себя в Коране «неученым пророком»²¹. И если мы захотим представить его сколько-нибудь грамотным человеком, то на основании не прямых свидетельств, а только побочных, так сказать. Именно, на основании слов Корана (29: 47): «Прежде него (Корана) ты не читал никакого письма, ни черты из него не писал твоею рукою».

Можно заключить, что со времени своей проповеди он научился читать и писать. По одному преданию, он однажды сказал своему секретарю Муавии: «проведи такую-то букву прямо, разделяй такую-то»²². Из чего следует, что по крайней мере буквы он различал и кое-как читал. Говорят также, что на смертном одре он попросил себе письменные принадлежности, чтобы написать какую-то книгу, и что

²¹ Коран 7: 156, ср.: 62: 2.

²² Weil. Das Leben Mohammed. С. 46, 178 и 330.

просьбы этой окружавшие его не исполнили из опасения, как бы он не написал чего-либо сумасбродного²³. Таким образом, если мы имеем право на заключение о книжном искусстве Мухаммеда, то последнее мы должны ограничить только уменьем его писать и читать.

Весь запас сведений и все искусство мышления, какое он мог приобрести, ограничивалось тем, что давалось ему общением с такими же арабами, как он, и еще собственным наблюдением природы. Правда, он сносился с людьми Писания, слушал епископа Косса и узнавал кое-что от евреев. Но все эти источники сведений были случайны, некоторые не надежны и во всяком случае не могли заменить ему школы и систематического образования. Да и что можно было узнать в то время от современников, когда они огонь добывали трением (Коран 56: 70)?

Сам Мухаммед указывает в Коране на свою неученость; например в словах: «те, которые последуют сему посланнику, неученому пророку» (7: 156); «Он из среды сих безграмотных воздвиг посланника» (62: 2).

Но напрасно было хвастаться этим недостатком, потому что и в содержании, и в изложении речей Корана он оставил такие перлы своего невежества, которые с несомненностью убеждают, что книга эта могла быть произведением только малограмотного и малосведущего автора. Иначе и не могло быть. В него вошли простые, чисто народные представления, и притом в самой грубой фантастической форме. Милость Бога к людям, по Корану, состоит в том, что Он землю разостлал ковром, чтобы люди ходили по ней широкими дорогами!²⁴ Могущество свое Бог проявил тем, что сделал свод небесный чуждым всяких трещин²⁵. Горы, по убеждению Мухаммеда, устроены с тою целью, чтобы земля не колебалась²⁶. Смена дня и ночи зависит от того, что ночь скрывается внутри дня, а день — внутри ночи²⁷. Небо представляется состоящим из семи небес, отделенных одно от другого особыми сводами²⁸. Земель, говорит Коран, Бог сотворил тоже семь²⁹. На небе Бог по-

²³ AbouI'Feda. Vie de Mahomed / Пер. с араб. на франц. С. 91. Perceval. Т. 3. С. 391–392.

²⁴ Коран 71: 18–19.

²⁵ Коран 50: 6; 76: 3.

²⁶ Коран 21: 32; 16: 15; 67: 3–4; 78: 7.

²⁷ Коран 3: 21; 27: 60; 31: 28; 35: 14.

²⁸ Коран 2: 27; 41: 11, 67; 71: 14–19.

²⁹ Коран 65: 12.

ставил весы, то есть созвездие зодиака, чтобы люди не уклонялись от правильности в весе³⁰. Звездный мир существует для того, чтобы преградить диаволам доступ на небо, а так называемые падающие звезды суть не что иное, как «зубчато мелькающий пламень», которым небожители поражают диаволов, покушающихся подслушать тайны надзвездного мира³¹. От земли до неба где-то есть лестница, по которой ангелы восходят к Богу в течение дня³².

Как ни очевидна истина, что книга, претендующая на авторитет вечного несотворенного Слова Бога, должна заключать в себе только одну непреложную и вечную истину, — приведенными примерами, отрицающими эту истину в Коране, мусульманина нельзя убедить в происхождении этих примеров от неучености пророка, не потому, конечно, что их недостаточно, а потому, что коранические басни он всосал с молоком матери и, не зная наук, признает басни истиной. Вот, например, что говорит известный путешественник о своей педагогической практике среди высокопоставленных особ в Персии и Турции: «Несмотря на мое серьезное намерение познакомить моих высокородных питомцев с элементарными понятиями из физики, с историей и географией, все мои старания просветить их пропадали даром... При объяснении обыденных явлений природы, едва дети успевали выслушать объяснение грома, молнии и радуги, как уже выскакивали, как угорелые, и летели в гарем рассказывать матери и няньке о необыкновенных выдумках франкского учителя. Эти выдумки приводили в ужас упомянутых дам, а франкский учитель всегда объявлялся ослом, рожденным в черном неверии, и к Богу воссылались молитвы, дабы Он простил грехи отца, пользующегося услугами такого учителя»³³.

Таким образом, необразованность Мухаммеда, положившая такую печать на Коране, служит препятствием к образованию мусульман. Оттого просвещение с Кораном непримиримо, и просвещенный мусульманин не может быть истинным мусульманином, как показывают это и примеры³⁴.

³⁰ Коран 55: 6–7.

³¹ Коран 37: 7–10.

³² Коран 70: 3–4.

³³ *Вамбери*. Очерки и картины восточных нравов. СПб., 1871. С. 114.

³⁴ См.: *Перри-Фогга*. Путешествие по Египту, Аравии и Персии. СПб., 1876. С. 100. Знание. 1873. С. 45–46. Православный собеседник. 1887. Кн. 2. С. 346.

Умственное невежество Мухаммеда зависело еще от ограниченности его способностей. Некоторые готовы назвать его гениальным человеком: большая ошибка, покоящаяся на легкости объяснения его реформы чрезвычайными его способностями, а не на действительности. Мы имеем полное право отказать ему в хорошей памяти и в той аналитической деятельности, которая характеризует людей даже самых обыкновенных, но с последовательным умом, рассудительных и потому самостоятельных. Мы знаем, например, из самого же Корана, что он часто забывал сложившиеся в его душе складно и рифмованно стихи Корана³⁵; знаем, что он твердил стихи Корана и через то перепутывал смысл их, когда мнимый ангел приносил ему мнимые откровения³⁶. Это отсутствие хорошей памяти Мухаммеда выразилось не в одном сознании им этой слабости в некоторых только местах Корана, а отразилось на всем Коране, в его целостности.

Мы не знаем числа всех понятий, содержащихся в этой книге. Но прочитавши его несколько раз и заметивши в нем бесчисленные повторения целых фраз — о словах уже не говорим, — убедились, что если приложить к нему современную психологическую теорию об измерении памяти автора количеством понятий в его произведении, мы насчитаем этих понятий в Коране очень немного и поставим Мухаммеда в противоположность Мильтонам, Шекспирам, Гете, Вальтер Скоттам, в произведениях которых насчитывается от 7 до 15 тысяч понятий³⁷. Более осязательным следствием легкой забывчивости Мухаммеда следует признать в Коране частое отсутствие имен пророков. Несомненно, некоторые имена он не читал в Коране ввиду их общеизвестности³⁸. Но несомненно, что некоторые он пропускал потому, что сам забывал, услышавши о них когда-то от иудеев. Другим нельзя ничем объяснить в книге, назначенной для просвещения верой и истинным знанием, того, например, обстоятельства, что он ставит в затруднение толковников Корана. Например, в 7 гл. 174 и след. стихах только при счислении с книгами Моисея Джаляледдин под словами: «Прочитай им рассказываемое о том, кому Мы дали наши знамения, а он уклонился от них...» (7: 174–176) мог усмотреть рассказ о Валааме.

³⁵ «Когда Мы повелеваем забыть какое-либо знамение...» (2: 100); «Ты забудешь только то, что хочет Бог...» (87: 6–7).

³⁶ Коран 75: 16–21.

³⁷ По воспоминаниям лекций по психологии проф. В. А. Снегирева.

³⁸ Например, Пресвятую Деву Марию он называет «Сохранившею свое девство» (21: 91; 66: 12).

Слабость других умственных отправлениях Мухаммеда, побудившая его советоваться с мусульманами³⁹ и слушаться Омара, его матери и других женщин, а также подвергавшая его обманам со стороны жен и подчинявшая его их капризам, сказалась в анахронизмах, неточных выражениях Корана и т. п. Сказать, например, что Ной обличал своих современников за поклонение идолам, которых при нем не было и которые боготворились арабами, что Ною некоторые из народа поверили, тогда как весь народ, за исключением только семейства Ноя, был истреблен за неверие⁴⁰, — сказать это мог только человек не с сильным умом. Точно так же только непоследовательный ум может сказать в одном месте, что земля сотворена прежде неба, в другом — небо прежде земли⁴¹. Противоречий таких в Коране много, и вследствие их многочисленности привести их здесь нет возможности. Эта противоречивость Мухаммеда свидетельствует о том, что логические законы мышления в нем были слабы, чтобы победить противодействие со стороны разных влияний на впечатлительную и отзывчивую его душу; а это обстоятельство послужило для Мухаммеда основанием для сознательных противоречий, прикрываемых теперь в мусульманской науке иррациональной теорией отменения. Далее, та же ограниченность мыслительной деятельности и способностей арабского пророка сказалась в Коране в бесчисленных таких предложениях, которые по форме обещают что-то новое, и по содержанию лишь повторяют соседнюю мысль. Например: «Посланник! передай, что открыто тебе Господом Твоим; если ты не сделаешь этого, то ты не передашь того, что послано тебе» (5: 71).

Выходит, таким образом: если ты не передашь, то не передашь. Объяснение этой бессмысленной тавтологии толковниками Корана показывает только, что они на месте Мухаммеда выразились бы гораздо яснее его⁴². Таких предложений и слов в Коране чрезвычайно много.

Затем нельзя не указать в Коране, как на следствие необразованности Мухаммеда, на его бессистемность изложения. Что только систематически последовательный и развитый образованием ум может излагать свои мысли на бумаге правильно и в порядке — это само собою понятно. Прочитайте, например, письмо малограмотного

³⁹ Коран 3: 153.

⁴⁰ Ср.: Коран 11: 29; 26: 111 и 11: 42–43; 23: 28–30; 29: 13–14.

⁴¹ Ср.: Коран 41: 9–11 и 79: 27–32.

⁴² По их объяснению, стих нужно передать так: передай все, если всего не передашь, то как бы ничего не передашь (Абдуль-Кадир-Эррази).

человека, и вы увидите, в какой беспорядочности располагаются в нем мысли. В одном периоде этого письма говорится о совершенно различных предметах и в разных местах письма говорится об одном и том же. Мухаммед, как человек только грамотный и непоследовательный, в таком же виде излагал свой Коран. Вот, например, семь первых стихов 5-й главы. В первом из них говорится о родах пищи, во втором о жажде, в третьем об охоте и справедливости, в четвертом снова о пище и о бросании стрел, в пятом о вероуставе ислама, в шестом опять о пище и в седьмом о браке и исламе. В некоторых главах отсутствие последовательности рассказа или увещания доходит до того, что решительно невозможно определить, о чем и, главное, что говорится. Мы уверены, что редкий мусульманин и с большим трудом скажет нам, о чем и что именно говорится в 18-й главе 82–112 ст. Эта неясность мнимо ясной книги, зависящая от малограмотности Мухаммеда, одинаково компрометирует как автора, так и его произведение. Наконец, умственная слабость вместе с необразованностью Мухаммеда были причиной появления в Коране стихов, связанных с его суеверностью.

О суевериях Мухаммеда мусульманские биографы и предания сообщают нам немало любопытных сведений. Будучи язычником, он следовал общему обычаю арабов и посвящал богам перворожденную верблюдицу, овцу и козу⁴³. Сделавшись народным проповедником, он по-прежнему страшно боялся ночной темноты и входил в свою комнату только тогда, как зажигали огонь⁴⁴. Не зная законов природы и смотря на нее сквозь призму своих ограниченных способностей, он больше видел в мире Божиим злом, чем добром, и больше боялся явлений естественных, чем понимал их. Если небо покрывалось облаками, он изменялся в цвете лица и предавался странным опасениям, пока небо не прояснилось. К ветру он относился крайне суеверно. По преданию от Айши, когда дул ветер, Мухаммед говорил: «Господи, умоляю Тебя, сделай этот ветер добрым для меня». Когда являлись тучи и облака, он беспокойно бегал взад и вперед; тучи проходили, и он успокаивался. На вопрос Айши, чего он боится, он отвечал: «Айша! явление этих облаков похоже на то, что случилось с племенем гадян. Они говорили: эти тучи принесут дождь; но это было неверно. Они были наказаны за свое воздержание»⁴⁵. Некоторые места Мухаммед, подобно арабам-язычникам, населял

⁴³ Dictionary of Islam. С. 123 по Mischkat-ul-masabih.

⁴⁴ Muir. The Life of Mahomet. Т. 3. С. 61, по Вакиди 74 S.

⁴⁵ Muir. Т. 3. С. 62 по Mischkat-ul-masabih. Т. 1. С. 336.

демонами и джиннами. Проезжая во время Табукского похода мимо такого, по его верованию, проклятого места, жилища древних фемудян, суеверный основатель ислама запретил своим солдатам пользоваться в этом месте водою, хотя они были крайне истощены от зноя и жажды, и приказал изблевать воду тем, которые напились уже; потом вдруг покрыл платьем свое лицо, пришпорил верблюда, на котором ехал, и поскакал, сказавши солдатам: «Не входите в жилище беззаконников, чтобы и вас не постигло то, что постигло их»⁴⁶. Говорят еще, что он приходил в трепет, когда видел форму креста. Некоторые дни недели и числа месяца в его глазах имели особенное значение. Он сильно боялся несчастного влияния дня среды, и до нас дошла от него молитва: «Ищу помощи у Бога от злоторного дня среды»⁴⁷. Для начала какого-либо дела он выбирал нечетное число месяца. Лекарство, например, он принимал не иначе как в нечетное число времени, искренно веруя, что лечебная сила его вполне зависит от соблюдения этого условия. Вторник, падающий на семнадцатое число месяца, Мухаммед считал самым благоприятным днем и ручательством за благополучие на целый год⁴⁸. Верил еще Мухаммед в дурной глаз. Однажды Асма сказала ему: «О пророк! семейство Джафара производит пагубное влияние своим взглядом. Не следует ли употребить от этого зла колдовство?» «Да! — отвечал пророк, — если есть в мире что-нибудь сильнее судьбы, то это дурной глаз»⁴⁹. В связи с этим стоит другое суеверие, по которому он держал при себе белого петуха в охранение от дурного глаза и колдовства⁵⁰. Что Мухаммед верил в колдовство, это не подлежит сомнению. Известно, что в первый год по прибытии его в Медину ни у одного из могаджеритов, то есть перебежавших с ним мекканцев, не рождалось детей. Обстоятельство это опечалило пророка, и он приписал несчастье колдовству иудеев⁵¹. Он далее верил в особый способ колдовства арабских и иудейских волшебников. Эти волшебники, когда желали причинить вред кому-нибудь, например, навести болезнь, завязывали узлы и хранили их в каком-нибудь тайном месте.

Вследствие подобной чары, по верованию арабов, человека постигала та или другая болезнь. По преданию от Айши, Мухаммед

⁴⁶ Машанов. Очерк религиозного быта арабов. С. 850 по Ибн-Гишаму.

⁴⁷ Там же. С. 824.

⁴⁸ Muir. Т. 3. С. 61–62 по Вакиди. С. 86.

⁴⁹ Dictionary of Islam. С. 112 по Mischkat-ul-masabih, 21 к, 1 гл, 2 ч.

⁵⁰ Weil. Mahomet der Prophet. С. 343.

⁵¹ Muir. Т. 3. С. 60 по Kitab-al Wakidi 297 S, Гишами 180 и Табари 220.

верил, что он однажды был заколдован таким способом и вследствие этого не в состоянии был ничего сделать со своими женами⁵². Он же верил, что существуют некоторые средства защищать себя от чар и колдунов. По одному преданию, он сказал: «Кто ежедневно ест по семи фиников из рода аджва, тому не причинит вреда ни яд, ни волшебство»⁵³. Он разделял еще суеверие арабов относительно покрытого лица. По одному преданию Хадиджа, чтобы узнать, добрый или злой ангел производил на мужа ее тревожное впечатление, однажды во время экзальтации его сняла с головы своей покрывало. Мухаммед успокоился, из чего узнала она, что его посещал ангел добрый. По тому же суеверию и он закутывался иногда, как это видно из Корана⁵⁴. Что Мухаммед верил в значение снов, это подтверждается фактами. Мы знаем, как он истолковывал сны, виденные им пред битвой в Бедре. Первое пилигримство, кончившееся десятилетним перемирием с мекканцами, он предпринял вслед за сновидением, которое польстило ему успехом. Когда к нему в Ходейбии обратились с вопросом, почему же не исполнилось его сновидение, он отнес его к предсказанию на свободный доступ в Каабу на следующий год⁵⁵ и сказал в Коране: «Бог верно исполнил свое обещание, данное пророку в сновидении...» (48: 27).

По преданию, Мухаммед происхождение каждого хорошего сна приписывал Богу, а дурного — дьяволу. В последнем случае он советовал по пробуждении плюнуть направо с обращением к Богу о помощи и избавлении от злотворности сна⁵⁶.

Наконец, автор Корана верил в предзнаменовательное значение слов, сказанных случайно. Рассказывается следующий случай из жизни его. Когда он в Медине прибыл к Кольсуму, последний позвал двух своих рабов, вскричав: «О Бешшар! о Салим!» Слова эти по лексическому значению означали радость и безопасность, и Мухаммед сказал Абу-Бекру: «Радуйся; это доставит нам безопасное убежище»⁵⁷.

Однако ж некоторые из арабских суеверий Мухаммед отвергал и посвятил им некоторые стихи в Коране. Он объявил нечестием

⁵² *Асбабуль-Нузуль*, 113 и 114 гл.; *Машанов*. Очерк религиозного быта арабов. С. 857–858.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: Коран 62: 1 и 74: 1, в Коране Родуеля.

⁵⁵ *Асбабуль-Нузуль*.

⁵⁶ *Машанов*. С. 841.

⁵⁷ Там же. С. 844–845.

разделение чего-нибудь метанием стрел⁵⁸. Когда некоторые мусульмане возвращались из хаджа в ихраме и входили в дом с задней стороны, он говорил: «Благочестие не в том, чтобы входить в дома с задней стороны» (2: 185).

Осуждал он еще суеверные разделения животной пищи на позволительную и не позволительную⁵⁹; суеверное опасение трапезничать со слепым и т. п.⁶⁰ Но в Коране он гораздо больше освятил суеверия, чем уничтожил. Верование в колдовство было его убеждением и целиком вошло в Коран в том самом виде, в каком он воспринял его от суеверных арабов, заимствовавших его в свою очередь от персов⁶¹.

Именно, по Корану, два ангела, Гарут и Марутх, были посланы Богом в Вавилон, чтобы научить людей волшебству, как, например, разлучить мужа от жены и т. п. (2: 95–96).

Кроме своего убеждения в происхождении колдовства, Мухаммед оставил в Коране молитву от злотворности его, содержащуюся в двух последних главах: «Ищу убежища у Господа рассвета от злотворности того, что сотворил Он, от злотворности ночной темноты, когда она все покрывает; от злотворности женщин, дующих на узлы, от злотворности завистника, когда он завидует» (113: 1–5); «Ищу убежища у Господа людей, царя людей, Бога людей, от злобы скрытого искушителя, искушающего сердца людей, — от гениев и людей» (114: 1–6).

Говорят, эти главы явились после возвращения Мухаммеда из Ходейбии, когда иудейский колдун Лебид со своей дочерью навел на него чары посредством завязывания узлов, от которых пророк стал истощаться, резко изменяться в лице, обессиливать в супружеских отношениях к женам⁶². Очень может быть, что иудеи действительно занимались в Медине волшебством. Но достопримечательно в данном случае то, что истинный пророк иудейский отвергает волшебство, как ложь, и грозит наказанием за веру в эту ложь, а Мухаммед признает его и молится от действительного влияния его. Вот что читаем мы у Иезекииля: «Горе сшивающим

⁵⁸ Коран 5: 4.

⁵⁹ Коран 6: 139 и 144: 10, 39.

⁶⁰ Коран 24: 60. См.: Машанов. С. 847.

⁶¹ У последних была легенда о посланных с неба двух ангелах, которые разлучили одну женщину от мужа, развратили ее и за свой грех повешены с неба вниз головою.

⁶² Muir. Т. 4. С. 80–81.

чародейные мешочки под мышки и делающим покрывала для головы всякого роста, чтобы уловлять души! Неужели, уловляя души народа Моего, вы спасете ваши души? И бесславите Меня пред народом Моим за горсти ячменя и за куски хлеба, умерщвляя души, которые не должны умереть... и обманывая народ, который слушает ложь?» Посему так говорит Господь Бог: «За то, что вы ложью печаливаете сердце праведника, которое Я не хотел печаливать, и поддерживаєте руки беззаконника, чтобы он не обратился от порочного пути своего и не сохранил жизни своей,— за это уже не будете иметь пустых видений и впредь не будете предчувствовать...»⁶³

Суеверностью Мухаммеда объясняются и те многочисленные стихи, в которых он постоянно обращается к Богу за защитой от сатаны, «прогоняемого камнями»⁶⁴. По той же причине он и Богу приписывает выражения, взятые с языка суеверных арабов, веривших в судьбу и гадавших о ней по полету птиц. «Мы,— говорит Бог в Коране,— к шее каждого человека привязали птицу» (17: 14).

Наконец, эта суеверность Мухаммеда освящала все те вымыслы, которые воспринимал он своим воображением, относительно демонов, помогавших Соломону, птиц и муравьев, с которыми он разговаривал, ветров, которые служили ему и Давиду, сновидений, которые самому ему приходилось видеть, демонов, внушавшего богопротивные стихи, обезьян, в которых будто бы были обращены иудеи, и т. п.

Мусульманину труднее всего убедиться в том, что все эти коранические места обязаны своим существованием суеверности пророка, не только потому, что мусульманин глубоко верует в непреложную истину Корана, а и потому, что мусульмане вообще самый суеверный народ в мире. Доказать ложь суеверий трудно, потому что они имеют прочное субъективное основание в суеверии. Но нам достаточно заметить здесь то, что по мере развития народа и личности падают и суеверия. Суеверий больше у язычников и дикарей и вообще некультурных людей; их меньше или совсем не бывает у людей образованных, развитых. Следовательно, всякое суеверие, потому что оно свойственно только темному классу и не имеет ни силы, ни значения для культурных людей,— ложь. И если Мухаммед верил в суеверия, если последователи его верят в волшебство, то потому, что, как первый, так и последние, чужды

⁶³ См.: Иез. 13: 18–23.

⁶⁴ Коран: 3: 31; 16: 100; 180: 23, 29; 41: 36; 81: 25 и мн. др.

образования. На образованного несуетверного человека никогда не действуют чары волшебника.

Как в содержании, так и в изложении и в выражениях Корана должны были с одинаковой ясностью отпечатлеться и нравственные качества Мухаммеда. В моральном отношении пророк ислама был истинным арабом. Но полученные по наследству нравственные качества в нем должны были развиться настолько более, чем у обыкновенного потомка Гашема, насколько деятельность его была беспримечнее других. Какие же это были качества?

Мы не ошибемся, если назовем арабов народом хитрым. Хитрость у них развивалась в постоянных столкновениях враждовавших племен, в разбоях и грабежах караванов. Подсидеть караван, подкараулить в засаде врага, окружить его со всех сторон, обобрать и насмеяться над ним считалось добродетелью. О великодушии в подобных случаях не рассуждали. Вероломство ему предпочиталось безусловно. Эту черту унаследовал и Мухаммед. Его хитрость возвышалась до сметливой тактичности и последняя спускалась до пошлого коварства. Он умел лавировать среди соперничавших сторон и извлекать для себя пользу из их вражды и споров. Известен, например, характерный в этом отношении рассказ о построении Каабы, когда возник спор о том, кому, то есть представителям какого рода принадлежит честь перенести во святилище черный священный камень. Мухаммед решил этот спор так, что все остались довольны и сам он получил в награду название «верного». Когда после Бадрской битвы мусульмане стали смеяться над пленником, дядей пророка Аль-Аббасом, что он, такой атлет, поддался такому слабому человеку, как Абу-Язер, и Аль-Аббас утверждал, что он сам отдался какому-то исполинского роста всаднику, а Абу-Язер хвастался, что он именно взял его, тогда Мухаммед объявил, что пленившему помогал ангел Гавриил, чем и снял стыд с дяди и не отнял чести у Абу-Язера и удивил арабов простотою разгадки⁶⁵.

Умел пророк арабский привязывать к себе друзей и обезопасивать себя от врагов. Он взял у своего друга дочь в жены и переименовал его из Абуль-Каба в Абу-Бекра — «отца девственницы»⁶⁶. Скрепил также дружбу с Омаром женитьбой на дочери его Хавсе. Узнавши, что дочь Абу-Софиана в Абиссинии овдовела, он выписал ее в Медину и опять женился на ней не без скрытой цели смягчить гнев отца ее. Поражая без пощады арабов вне Медины, он щадил вра-

⁶⁵ Ирвинг В. Жизнь Магомета. СПб., 1875. С. 136.

⁶⁶ Dictionary of Islam. London, 1885. С. 7.

гов своих в этом городе и, зная, насколько влиятелен и опасен ему Абдаллах-ибн-Обей, заискивал пред ним и пред его партией. Чтобы не возбуждать ревности и зависти и примирить два враждовавших в Медине племени, он выбирал двух наместников на время своего отсутствия из того и другого племени: Саада-ибн-Абада-Хазраджита и Саада-ибн-Муадза-Авсита⁶⁷. Чтобы обратить на свою пользу острый язык сатириков, он подкупил поэта Аббаса-Ибн-Мардаса, пославши ему из одной добычи 60 верблюдов, Кааба, сына автора одной из моллакат, надевши на него свой плащ, за что получил оду «Плащ» (Бурда), и Хасана, написавшего в честь оправданной Айши особую оду⁶⁸.

Хитрость спасла жизнь Мухаммеда. Если бы он не оставил на своей постели одетого в свою одежду Али и не предпринял бы тайного бегства, может быть, корейшиты исполнили бы над ним смертный замысел. Но это не оправдание для пророка. Его поступок свойствен всякому малодушному человеку и ставит его много ниже Конфуция, который на убеждение спасти себя бегством отвечал: «Для чего мне бежать? Если добродетель, находящаяся во мне, есть дело небес, то небеса могут ей покровительствовать»⁶⁹.

История же подпольных убийств Асмы, Абу-Афака Кааба и Селлама, двукратное посольство убийц к Абу-Софиану⁷⁰ показывают, до каких пределов изощрился хитрый Мухаммед в подвигах коварства. Биографы его рассказывают об этих убийствах ничтоже сумняшеся, показывая, как бы в пример мусульманам, лукавство своего пророка. Сам же он иногда с удивительной откровенностью объясняет асхабам свой образ действий. По взятии Мекки, например, когда он расправлялся со своими врагами, к нему привели того самого Абдаллаха, который когда-то был у него секретарем, переправлял по-своему диктуемые откровения и говорил, что он не хуже пророка сам может написать, — когда привели его и стали просить его помилования, Мухаммед отворотился, опустил голову вниз и долго молчал. Осман, брат Абдаллаха по кормилице, три раза повторил свою просьбу; наконец пророк согласился отпустить Абдаллаха и при этом сказал асхабам: «Я так долго молчал с тем,

⁶⁷ The Life of Mahomet. London, 1862. Т. 3. С. 70.

⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 170. *Perceval*. Essay sur L'histoire des Arabes. Т. 3. С. 171, 280–282.

⁶⁹ *Пастопет*. С. 158.

⁷⁰ В первый раз Абу-Софиана спасли мекканцы, во второй — один лицемер. См.: *Perceval*. Т. 3. С. 125 по Siraterracoul 264; Асбабуль-Нузуль на 8 гл., 27 ст.

чтобы кто-нибудь из вас догадался убить его». «А что же ты не моргнул нам?» — спросили его. «Глазами давать знак пророку неудобно», — ответил он⁷¹. Что обман позволял Мухаммед другим, это хорошо известно. Во время осады Бени-Корейза он кричал Хасану: «Делай все с врагами, что хочешь; Аллах тебе поможет»⁷². Он даже одобрял обман врагов своих. Один из его отважных солдат однажды начал ругать его самого, чтобы собрать вокруг себя корейшитов. Последних действительно собралась кучка. Тогда Сугайеб — так звали этого солдата, — вынул свое оружие и сказал: «Знаете ли, корейшиты, что я отличный стрелок? Я все стрелы в вас намечу и, когда останусь с одним мечом, тогда, может быть, вы меня и победите». С этими словами он начал драться⁷³. Мухаммед похвалил Сугайеба и сказал о нем в Коране: «В среде этих людей есть человек, который продает себя самого, желая угодного Богу; Бог благ к таким рабам» (2: 203).

Обличая своих врагов за вероломство, сам Мухаммед не один раз подавал пример его. Случай в долине Нахле, нарушение договора с мекканцами, принятие совета Нуйема о коварном расстройстве союза Бени-Корейзы с корейшитами во время осады Медины, его выражение в это время, что война есть «только случай обмана», показывают, каким понятиям о чести следовал он в своей деятельности в Медине.

Возможно ли, чтобы эта хитрость Мухаммеда не проявилась и в Коране? Отпечаток ее здесь очень ясен, чтобы его можно было не заметить. Во-первых, многие правила Корана изобличают характером своим ловкое приспособление Мухаммеда к обстоятельствам своего положения. Вот, например, правило о произнесении молитвы вполголоса: «Не произноси твоей молитвы очень громко; но и не говори ее шепотом; а держись среднего между ними разговора» (17: 110).

Мусульмане и теперь следуют этому правилу. А чем оно вызвано? Оказывается, что Мухаммед узаконил полуголосовой способ чтения молитвы потому, что ему самому было выгодно так читать ее. В Мекке корейшиты запретили ему читать свои молитвы громко и одного из его учеников, отважившегося в Каабе почитать Коран погромче, поколотили. Между тем ему хотелось, чтобы все-таки его поэтические композиции слышали другие, да и из мекканцев

⁷¹ *Perceval*. Т. 3. С. 235–236; *Siraterracoul* 217 л. И *Tarikh el Khamicy* 266 л.

⁷² *Dictionary of Islam*. С. 168.

⁷³ *Асбабуль-Нузуль* 2 гл. 203 стр.

некоторым желательно было узнать, что такое он читал. И вот в хитрой голове арабского «пророка» отыскивается способ и избежать гнева корейшитов, и не лишиться возможности заронить в иное сердце семена ислама — произносить молитвы вполголоса⁷⁴. Потом, на многих законах лежит печать какой-то неопределенности и двусмысленности, заставляющих невольно заподозрить законодателя в желании гарантировать себя от последствий приложения этих законов на практике. Когда, например, его спрашивают о том, что разрешается в пищу, он отвечает: «Вам разрешаются добрые снеди» (5: 6).

Когда его спрашивают, можно ли жениться на красивой многобожнице, он отвечает: «Верующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и нравилась вам» (2: 220).

Когда спрашивают его, можно ли снова вступить в брачную жизнь разведенным супругам, он отвечает: «Когда вы разведетесь с женами и когда они достигнут определенного срока: тогда не препятствуйте им вступить в брак» (2: 232).

На вопрос, чем наградить разведенную жену, дается правило о «наделе — в благоприличном размере, как подобает людям благочестивым» (2: 242).

На вопрос, можно ли войти в нежилой дом, в Коране говорится: «Не будет проступка с вашей стороны, если войдете в нежилой дом» (24: 29).

Эти отрицательные выражения: «не будет греха, не будет проступка, лучше, не препятствуйте» и т. п. решительно не уместны не только в законодательном кодексе, да таком, каким мыслится в исламе Коран, а и в простой книге и в обыкновенном разговоре; не уместны, говорим, по той простой причине, что они ничего не говорят. Мухаммед же так привык к этим выражениям, что иногда употреблял их совершенно не на вопрос. Пришла, например, раз к нему женщина и жалуется на мужа, который развел ее без всякой вины с ее стороны. Что же он отвечает? Убеждает мужа? Утешает жену? Дает решение для будущих споров? Ни то, ни другое, ни третье: «Если жена, — говорит он, — видит себе притеснение от мужа или отвращение от нее, то не будет на них греха помириться между собою искренним миром» (4: 127)⁷⁵.

Но мы поймем, почему в данном случае так выразился пророк, когда вспомним, каким миром заканчивались у него самого дела

⁷⁴ *Perceval*. Т. 1. С. 383 по *Siraterracoul* 47 л.

⁷⁵ Асбабуль-Нузуль.

с женами, например, Асмой и Суфией, согласившимися уступить свои права другим обитательницам Мухаммедова гарема. Сопоставление этих миров с советами Мухаммеда показывает, почему иногда он выражается так.

Далее хитрый склад ума основателя ислама ясно проглядывает в таких местах, где он, как бы из-за педагогического такта и из-за своей репутации, ложно перетолковывает некоторые факты. Давши, например, повеление подавать «милостыню» перед беседой и заметивши неблагоприятное впечатление от этого повеления, он смягчает свое распоряжение и говорит, обращаясь к мединцам: «Может быть, вы прежде вашей беседы с ним побоялись подать милостыню» (58: 14).

Еще в более далеком от действительности виде Мухаммед рассказывает (в 66 главе в 3 ст.) о скандале с Марией Коптской. Он поклялся Хавсе оставить Марию и это называет в Коране «тайной новостью, сказанной одной из супругов»; о пересудах Хавсы с Айшей он узнает в гареме же своем, и в Коране говорит, что ему о них Бог открыл, и советует им раскаяться. Спрашивается, зачем же он говорил жене такую новость, которую нельзя было знать даже другой жене (и Айше притом), когда знал, как говорит тут же, что у обеих их «сердца лукавы»? Потом, что же это была за «новость»? Мусульманин на это ответить ничего не может, потому что хитрость пророка выдает его здесь с головой. Затем, как на результат той же хитрости Мухаммеда, понимаемой нами в данном случае в смысле отсутствия нравственного принципа, следует указать на те стихи в Коране, которые снимают вину за безнравственные поступки. Например, пророк позволяет нарушать клятвы, говоря: «Бог позволил вам нарушать ваши клятвы» (66: 2).

И разрешается воровство, в словах: «Кто вынужден будет голодом, когда он не имел склонности к законопреступлению... Бог, действительно, прощающий, милосерд» (5: 5).

Из приведенных примеров, пожалуй, можно вывести заключение, что Мухаммед только обманывал своих современников, хорошо сознавая, что он делает и говорит. Но следует вникнуть в природу по наследству хитрого человека, и мы поймем, что дело обходилось без обманов других. Нет оснований возвышать Мухаммеда до сознания укоризненности его поступков, когда это сознание принадлежит не ему и не его последователям, а нам. Его природа вполне мирилась с этими поступками, создала их целесообразными, требовала их и называла добродетелью. Хитрость была таким свойством Мухаммеда, что ею он стал бы хвастаться, если бы в ней его

и стали упрекать. Она была его убеждением, и ее он приписывает Богу во всей полноте. Один из частых в Коране эпитетов Бога — это «Бог, самый искусный из хитрецов». Бог ухитряется, как араб, подкарауливающий неприятеля. Он сам представляется говорящим такие слова: «Тех же, которые считают наши знамения ложными, Мы незаметно доведем до гибели, так что они того и не узнают; Я буду давать отсрочки им, Моя хитрость велика» (7: 181–182); «Они (фемудяне) ухищрялись своей хитростью, а Мы ухищрялись своей хитростью, так что они и не догадались» (27: 51)⁷⁶.

Вследствие своего глубокого убеждения в том, что хитрость — добродетель, Мухаммед не мог иначе выразиться в Коране, предсказывая неверующим страдания, как радуя их вестью «о лютотом наказании» и как бы смеясь над ними. Наконец, хитрость Мухаммеда нельзя не видеть в тех стихах Корана, которыми он отвечал на требования от него чуда, объяснял военные удачи и неудачи и которые удивляют как находчивостью пророка, так и его софистикой.

Мусульмане, воспитанные в духе этой хитрости, едва ли могут видеть ее в деятельности Мухаммеда и в Коране. По преданию, им позволяется самим пророком употреблять так называемую «благочестивую ложь» в четырех случаях: 1) для спасения жизни; 2) для устройства мира или согласия; 3) для убеждения женщины и 4) в путешествии или войне⁷⁷. В Турции продажные улемы не так давно провозглашали, как государственный закон, обычай вступающих на трон султанов истреблять своих братьев, мотивируя его словами своего пророка, что «беспокойство страны хуже, чем убийство». А когда султан задумывал вопреки заключенному миру сделать нападение на соседей, как, например, Селим на Кипр, то улемы указывали на пример того же пророка, который в восьмом году гиджры, несмотря на мирный договор, напал на Мекку и завоевал ее⁷⁸. Вот эти темные очки и мешают им распознавать автора вероучительной их книги.

Мстительность древних арабов-язычников тоже перенесена Мухаммедом в ислам как добродетель. Древний араб смотрел на месть как на одно из своих священных прав и как на свою обязанность. Никакие земные расчеты или соображения не могли

⁷⁶ Другие подобные выражения см. по «Приложениям к переводу Корана» Г.С. Саблукова. Вып. 1. С. 38–39.

⁷⁷ Muir. Т. 1. С. LXXIII–LXXIV, примечания, где приведены соответствующие примеры из практики Мухаммеда.

⁷⁸ Православный собеседник. 1887. Ч. 2. С. 236.

заставить его отказаться от них. У современных нам арабов она сохранилась; у них сложилась даже поговорка: «Хотя бы адский огонь был моим уделом, но я не откажусь от мести»⁷⁹. Вина за это зло всецело падает на Мухаммеда. Мстительность его наполняет фактами весь мединский период его жизни. Из чувства мести он предпринимал разбои, походы и битвы и не упускал случая в мщениии излить свою злобу. Как только попались ему в Бадре прежние враги Назр-ибн-Харис и Окба, он приказал их умертвить. Под влиянием мести он молился об избиении врагов и не мог удержать себя от поругания над их трупами. После Оходского поражения месть овладела всем существом Мухаммеда; он послал отряд вдогон за победителями и обнаружил такие стихи, которыми объявлялось, что в мести жизнь для людей рассудительных⁸⁰. По той же мести Мухаммеда мекканцы, огорчившие его в первые десять лет его проповеди, объявляются в Коране самыми нечестивыми людьми в мире⁸¹. Наконец, вследствие мстительности арабского пророка Ной в Коране представляется молящимся Богу о наказании не принявших его учение. «Ной, — читаем мы, — сказал: Господи мой! не оставляй на земле ни одного неверного» (71: 27).

Мстительные люди бывают неразборчивы в средствах мести. Природа их самая грубая; по характеру своему они бывают жестоки. Мухаммед в черствости и жестокости своей превосходил других. Ему чужды были эстетические удовольствия. За исключением поэзии, он презирал всякое искусство. Музыка он терпеть не мог и, когда слышал ее, затыкал себе уши. Нафи рассказывает, что однажды он шел с Ибн-Омаром по одной дороге; слышались звуки свирели, и Ибн-Омар, заткнувши пальцами уши, своротил на другую дорогу. «Я, говорит Нафи, спросил Ибн-Омара, зачем он так сделал, и тот отвечал, что так поступал пророк, когда слышал звуки музыки»⁸². Замечательно, что и теперь мусульмане не уважают музыки. Известные ученики Абу-Ханифы Мухаммед и Абу-Юсуф не согласны даже со своим учителем в том, чтобы тот, кто разобьет музыкальный инструмент, например, свирель, барабан, кимвал и др., принадлежащий мусульманину, обязан был нести за это ответственность⁸³.

⁷⁹ Ирвинг. Жизнь Магомета. С. 141, по Буркгарту Т. I. С. 314.

⁸⁰ Коран 2: 173–175 и мн. др.

⁸¹ Коран 2: 108.

⁸² Dictionary of Islam. С. 423, по Mishcat.

⁸³ Там же по Hidayah Т. 3. С. 558.

Неспособный к эстетическим впечатлениям, пророк Аравии лишен был чувства сострадания. Заподозривши евнуха в привязанности к Савде, он послал его в Гулему. Когда приближенные сказали ему, что евнух умрет в пустыне с голоду, он позволил ему только два раза приходить в город за пищей. Если верить толковникам Корана, спартанская грубость и черствость Мухаммеда доходила в нем до заглушения родственных и сыновних чувств. Говорят, во время одного похода, проходя мимо могилы матери своей, он остановился, прослезился и хотел было помолиться, но вдруг встрепенулся и прочитал: «Не подобает пророку и верующему просить у Бога прощения многобожникам, хотя бы они были близкими родственниками, после того, как объявлено, что они будут изгнаны в огонь геенский» (9: 114)⁸⁴.

В другой раз он задумался было о своих родителях, но тут пришел к тому выводу, что с него «не спросится ответственность за идущих в адский огонь»⁸⁵ (2: 13). Злоба его к врагам и огрубение в нем сердца росли прогрессивно. Политические соображения перепутывались с религиозными стремлениями и сделали его каким-то несчастием для Аравии. Перерезать и замучить на глазах сотни людей для него ничего не значило. Когда над Бени-Корейзой был произнесен бесчеловечный приговор и одни стали уговаривать пророка, а другие говорили, что пророк посрамил себя поступком, достойным идолопоклонника, он объявил, что приговор этот сходит с третьего неба⁸⁶.

В 628 году зять Мухаммеда Зейд, возвратясь из военного похода, предпринятого с целью мщения Бени-Фезари за остановку мединского каравана, рассказывал пророку: «Начальницу племени шестидесятилетнюю Омм-Кирфу я взял с дочерью и братьями. Посмеявшись над ними, я привязал одну ногу Омм-Кирфы к одному верблюду, другую к другому и погнал животных в разные стороны. Двух братьев начальницы я предал смерти. А дочь я привел тебе, пророк». Мухаммед, выслушавши это, обнял Зейда и поцеловал⁸⁷. Вот еще факты, показывающие, как жестоко обращался сам Мухаммед с некоторыми виновными лицами. Раз привели к нему воров. Он приказал раскаленным железом выколоть им глаза

⁸⁴ Асбабуль-Нузуль; *Perceval*. Т. 3. С. 154, по *Tarikh Khamiey* 224 л.

⁸⁵ Асбабуль-Нузуль.

⁸⁶ *Ирвинг*. Жизнь Магомета. С. 216.

⁸⁷ *Muir*. Т. 4. С. 12–13 по *Katib-al Wakidi* 117; *Perceval*. Т. 3. С. 158–159 по *Сират-Эррасуль* 261 л.

и бросить их связанными на мединскую площадь, где преступники померли в страданиях от боли и в мучениях от жажды. В другой раз несколько бедуинов из племени Ульк пришли в Медину и приняли ислам. Пророк оставлял было их, как полезных для битвы людей. Но лихорадочный воздух Медины не понравился жителям легких пустынь. На возвратном пути они раскаялись в принятии ислама и воровски увели несколько мединских верблюдов. Посланные Мухаммедом вдогон за бедуинами привели их в Медину, и тут пророк приказал отрубить им руки и ноги, выколоть глаза и в таком состоянии отправить на раскаленный песок для испытания всех предсмертных ужасов⁸⁸. Как ни была жестока эта расправа, но Мухаммед узаконил ее в Коране: «Вору и воровке отсекайте руки в воздаяние за то, что сделали они, в назидание от Бога», — сказал он (5: 42).

Достаточно сравнить это мнимо божественное предписание с человеческими гражданскими кодексами, чтобы видеть, что оно могло быть высказано только во времена варварства и варварам. Непримиримость и крайняя жестокость его поставила в затруднение мусульманских же законовевдов и заставила их придумывать разные способы обойти его, причем дело не обошлось без разноречий. Абу-Ханифа, например, говорит, что отсечению руки должно подвергать только за вещь в 10 диргем; Аш-Шафи — в 4 динара, или в 12 диргем, а Малик — в 3 диргема. Разногласие это показывает, что каждый говорил по произволению, без прочного основания в предании, как думают мусульмане. Такой же произвольный характер имеют и дальнейшие ограничения Корана. Говорят, например, что отсечение руки не применяется к вору за «маловажные покражи» из вещей природы, как-то: дерев, травы, рыбы, птицы, садовых плодов, когда они на дереве или когда собраны; за напиток спиртуозный, потому-де вор может сказать, что он взял его, чтобы вылить; за гитару или барабан и т. п., потому что эти предметы служат для праздной забавы; за Коран, Аш-Шафи исключения этого не делает; за крест и шахматную доску, потому что вор может сказать, что он взял их разбить, как предметы запрещенные; за книгу, потому что ее иногда можно взять только для чтения; за предметы общественные, потому что в них есть доля всякого мусульманина, и т. п.⁸⁹ Эта мусульманская казуистика лучше всего показывает,

⁸⁸ Dictionary of Islam. С. 63–64, по преданию из Сахыха Бухари 1019; *Muir*. Т. 4. С. 18–20 по К. W. 118 и Гишами 454.

⁸⁹ Dictionary of Islam. С. 384–385.

из какого грязного источника произошло приведенное предписание Корана. Современная юридическая практика в мусульманских странах еще более осудила его.

Сам пророк должен был почувствовать, что он зашел слишком далеко. К нему пришла одна женщина с отсеченной за кражу рукой и спросила, можно ли ей покаяться во грехе и простится ли он ей. Мухаммед отвечал: «Кто покается по совершении беззакония и исправится, к тому Бог милостив: потому что Бог прощающий, милосерд» (5: 43)⁹⁰.

Значит, он поступил с женщиной немилосердно. Но грубость его оставила не один памятник по себе в Коране. Она невольно выливалась в стихах его, когда он заговаривал о врагах и грозил им несчастьями. Вот идеал его отношения к неверующим: «Им воздаянием будет только то, что они или будут убиты, или будут распяты, или руки и ноги у них будут отсечены накрест. Такое посрамление такое будет им в здешней жизни, а в будущей жизни — им будет великая мука» (5: 37).

Смотря через вандальские очки на будущее и прошедшее, он везде всех представил в вандальском виде. Пророки у него также пользуются своей физической силой, как сам он. Например, Моисей, увидавши слитого тельца, бросается на брата, схватывает его за волосы и тащит; а Аарон кричит ему: «Сын моей матери, не радуй врагов моих посрамлением меня, не тащи меня за бороду, за голову» (7: 149 и 20: 95).

Еще рельефнее эта грубость Мухаммеда сказалась в изображении им Бога. Всемилосердому Богу он приписывает в Коране такие же действия, как нечестивейшему из людей, каких он сам выводит. Фараон, например, так говорит волхвам, уверовавшим в Моисея: «Велю отсечь у вас руки и ноги накрест; велю распять вас на стволах пальм, и узнаете, кто из нас жесточе наказывает, кто устойчивее в этом» (20: 74). И Бог представляется говорящим не лучше этого: «Получившие Писание, уверуйте в то, что ниспослали Мы в подтверждение того, что у вас есть, прежде нежели Мы исказим лица ваши и переверотим их назад; или Мы проклянем вас...» (4: 50).

В другом месте о самом Мухаммеде Бог выражается такими словами: «Если бы он выдумал о Нас какие-нибудь выдумки, то Мы схватили бы его за правую руку, пересекли бы жилы в нем, и ни один бы из вас не оградил его» (69: 44–47). Потом, нельзя не видеть той же грубости и жесткости Мухаммеда в тех много-

⁹⁰ Асбабуль-Нузуль.

численных угрозах истреблением на земле и муками в аду, какие он расточал большей частью в Мекке. Самые идеи этих бедствий и мучений и выражение в такой форме, как они представлены в Коране, могли прийти в голову только такому грубому и мстительному человеку, каким был арабский пророк.

Если в изображении ада такое значение имела жестокость Мухаммеда, то в картинах рая нельзя не видеть отражения другой черты его характера, именно чувственности. Число жен его и наложниц, отнятие жены у усыновленного приемыша, скандал с Марией Коптянкой и многие другие факты из семейной жизни Мухаммеда показывают, что он был крайне плотоугодный и чувственный человек. О сладострастии его знали и вблизи и вдали. Ближние возбуждали в своих дочерях любовь к нему и приводили к нему пленниц, дальние посылали ему в подарок невольниц. Известно, что когда он умирал на коленях Айши, к нему шла от начальника киндитов какая-то красавица Катайла, которая, узнав о смерти сладострастного пророка, отпала от ислама и утешила себя на родине другим супружеством⁹¹. Страсть Мухаммеда к женщинам не оставляла его и на молитве. Во время ее он шалил с молоденькой Айшой, прятал голову свою под ее покрывало, ласкал ее и играл ее волосами. Недовольный тем, что эта жена его была тонка и худощава, он не постыдился обратиться к матери ее с просьбой, не знает ли она средства сделать ее потолще. «Мать моя, — говорит в предании Айша, — нашла, что мне ничто не может помочь лучше огурцов и свежих фиников... питаюсь ими, я немного потолстела»⁹². Иногда пророк искал и ощущал удовольствие в пошлых картинах сладострастия. Он любил раздевать своих жен и, как говорит предание, в таком состоянии потешался, глядя на них и плеская их водою⁹³. Играя с Айшей, когда ей было семь лет, он поставил ее в такую неприличную позу, что та обругала его⁹⁴. Не довольствуясь обыкновенным браком, Мухаммед давал пример так называемого брака на время, который практикуется и доселе в странах шиитских и который состоит в союзе мужчины с женщиной на условленное только время, заключается и расторгается без позволения родителей и без

⁹¹ Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. 10. Казань, 1876. «Мухаммеданский брак» Машанова. Прилож. С. 32.

⁹² Там же. С. 12.

⁹³ Sprenger.

⁹⁴ Maraccius.

всяких формальностей⁹⁵. Свою страсть к женщинам Мухаммед не только не скрывал, а выставлял как добродетель. Молитва, благовоения, женщины — вот три предмета, которые он называл любимыми⁹⁶. Он даже хвастался перед асхабами тем, что всех превосходит в четырех вещах: в силе, щедрости, массивности кулака и силе к супружеским наслаждениям⁹⁷. Современники его не могли без удивления смотреть на его бесцеремонные отношения к женщинам и различно выражались о нем. Иудеи, например, говорили: «Мухаммед самый низкий человек, имеет девять жен и старается только жениться». Враг его Абу-Софиан сравнивал его с верблюдом, ноздри которого не удержимы никакой уздой. А последователь его Ибн-Аббас снисходительно сказал: поистине, самый главный из нас то есть Мухаммед, был самым первым в любви к женщинам. Современные вам мусульмане держатся такой теории, что пророк их был награжден Богом половой силой, равной силе сорока мужчин, и что сами они почтены в сравнении с иноверцами удешевленной половой способностью.

Эта извращенность нравственных понятий и самообольщение мусульман есть одна из причин их коснения в невежестве и распространения среди них всех видов разврата. Эта же причина мешает им трезвыми глазами посмотреть на себя и беспристрастно оценить нравственное достоинство лжепророка. Между тем этот пророк должен понести всю ответственность за нравственную слепоту мусульманских обществ. Мы можем указать несколько фактов, наглядно показывающих, как он распространял свое деморализующее влияние на своих последователей. Когда, например, мединцы отказывались от похода в Табук, он начинает бить на чувственные наклонения их и соблазняет их обещанием красивых пленниц. «Пойдем, — возглашал он народу, — на войну с сынами Асфара; там мы возьмем в добычу красивейших дочерей их». Лицемеры только спокойно противились этому влиянию и удивлялись, что Мухаммед искушает их женщинами⁹⁸. Характерный рассказ передает еще Гишамы. Во время одной экспедиции (626) Мухаммед поравнялся с одним из последователей своих Джабиром, и, повторивши двадцать пять раз молитву о прощении грехов отцу его, спросил

⁹⁵ Weil. Muhammed der Prophet. С. 228.

⁹⁶ Muir. Т. 4. С. 304.

⁹⁷ Herbelot. Т. 4. С. 304.

⁹⁸ Асбабуль-Нузуль на Коран 9: 49: «Между ними есть такие, которые говорят: “Уволь нас и не искушай нас”».

Джабира, женат ли он. «Да», — отвечал тот. «А на молоденькой девице или на вдове»? Джабир ответил, что на пожилой женщине. «Зачем же ты не женился на молоденькой девице, чтобы и она с тобой могла поиграть и ты с нею?» — переспросил Мухаммед. «Мой отец, — сказал Джабир, — оставил семь дочерей, и я взял ради этого женщину поопытнее в хозяйстве»⁹⁹. Слова Джабира были хорошим уроком для пророка, но его речь показывает только, как он развращал семейные нравы арабов. Термизи в предании от Аббаса передает еще такой случай. Один араб сказал Мухаммеду, что он хочет отказать себе в мясной пище, потому что, объяснял араб, когда я покушаю мяса, не могу воздержаться от женщины. Что же ответил ему пророк? «Верующие! — сказал он, — не считайте запрещенными в пищу те блага, какие Бог разрешал для вас» (5: 89)¹⁰⁰.

Таким образом, и Коран послужил для Мухаммеда орудием возбуждения чувственности в последователях его. В нем проглядывает даже весь цинизм, до которого доходил арабский пророк. На вопрос, одно предложение которого достаточно характеризует Мухаммеда как известного всем своим сладострастием, он дал такой ответ в Коране: «Жены ваши нива для вас: ходите в ниву вашу как ни захотите» (2: 223)¹⁰¹.

Эта чувственность Мухаммеда, доходившая до цинизма, была причиною того, что им так много стихов в Коране отведено как на описание и защиту своего гарема, так и на убеждения и угрозы женам. Вследствие той же чувственности Мухаммед не постыдился разрешить себе в Коране такое число жен, которое не позволено другим: «Пророк! Мы разрешили тебе брать в супруги тех, которым дашь ты брачные дары; невольниц, какими овладеет рука твоя из той добычи, какую доставил тебе Бог; дочерей дядей твоих и дочерей теток твоих по отцу; дочерей дядей твоих и дочерей теток твоих по матери; тех, которые вместе с тобой переселились сюда,

⁹⁹ Muir. Т. 3. С. 223–224 по Гишамы 283 с.

¹⁰⁰ Асбабуль-Нузуль.

¹⁰¹ Гордий Семенович Саблуков из деликатности в своем переводе Корана выразил этот стих несколько иначе («когда ни захотите»). Но арабское слово, соответствующее нашему «как» и переводу Г. С. «когда», указывает не на время, а на образ действия, почему Маракчием было переведено словом *deunde*, а Сейлем и Уерри — *in what manner*. За такой перевод ручается и мусульманское толкование приведенного стиха. Нам не позволяет нравственное чувство изложить здесь повод к указанному стиху, приводимый в арабской книге «Асбабуль-Нузуль»...

и всякую верующую женщину, если она отдаст себя пророку, если пророк захочет жениться на ней: это твое особенное право, а не всех верующих» (33: 49).

Все это предметы, только унижающие Коран, и говорить о них в виде каких бы то ни было откровений мог только такой человек, которого омрачили страсти до невозможности отличить нравственное от безобразного.

Наконец, чувственной же страстности Мухаммеда ислам и Коран обязаны учением о гуриях. Тут можно видеть только идеал жизни сладострастного основателя ислама и автора Корана. Мусульмане иногда высказываются, что райское блаженство, как его изобразил Мухаммед, желал бы получить всякий смертный. Если так, то почему ни в одной религии оно не обещается? По словам Корана, все они ложны, как выдуманные самими людьми. Если же в них нет таких картин рая, какие мы читаем в Коране, то последние для большинства человечества не представляют ничего привлекательного: следовательно, в Коране изображается такое блаженство, которое желательно было только Мухаммеду и которое нравится только развращенным им его последователям. Сопоставление выражений Корана с жизнью арабского пророка только подтверждает это. Во-первых, чувственные наслаждения рая им обещались только для мужчин, так как им он обещал гурий, а женщинам ничего; о последних он стал говорить только тогда, когда они сами потребовали этого, и притом о них говорил он в неопределенных фразах. Во-вторых, о гуриях Мухаммед говорил только в меккский период своей жизни, когда у него была только одна шестидесятилетняя супруга, не позволявшая ему привести в свой дом соперниц; когда же гарем его заключал в себе десяток женщин, предупреждавших его желания, мечтать о гуриях ему не было повода, и потому о них им не было сказано почти ни слова. Из всего этого следует, что в представлении Корана о чувственных наслаждениях в раю сказывались тайные желания не удовлетворенного супружеской жизнью Мухаммеда. Если мы обратим внимание на некоторые выражения его, то еще более в этом убедимся. В одном месте Корана мы читаем: «А они созданы Нами особым созданием, Мы положили им быть девами, мужьям милыми, по возрасту равными» (38: 52).

Стих этот явился у Мухаммеда тогда, когда он жил с Хадиджей, бывшей на пятнадцать лет старше его, и как бы выражал собою не-удовлетворенность пророка своим супружеством. В другом месте Корана, относящемся к тому же периоду, говорится: «В них будут

скромные взором, добротные, красивые, укрытые в шатрах... с ними прежде не сообщались ни люди, ни гении» (55: 71–74).

Тут уже ясно слышится голос сладострастного супруга, обреченного жить со вдовой, не милой ему и не равной годами. Обстоятельство это дает право предполагать, что в Коране отобразились не только сознательные, но и затаенные в глубине сердца Мухаммеда желания, мечты и размышления. Отображение в данном случае происходило помимо воли самого пророка, что смягчает ответственность его. Даже такую привилегию, приписанную себе арабским пророком, как неограниченное число жен, нельзя считать сознательным грехом его. Мы знаем, что на Востоке количество жен считается действительным преимуществом некоторых лиц и классов общества. В Мексике и Перу, например, сильные мира сего предписывают всем моногамию, а себе позволяют многоженство. В Китае закон предписывает моногамию, но императору кроме определенного числа наложниц позволяется иметь одну главную жену, две второстепенных и шесть третьестепенных. В Индустане количество жен соразмеряется с сословным положением мужчины. Брамин может иметь четыре жены, воин — три, земледelec — две и судра — одну¹⁰². Поэтому, если Мухаммед разрешил себе от имени Бога неограниченное число жен, то он не шел совершенно наперекор понятиям своего народа, а подчинялся только восточным вкусам. Обстоятельство это свидетельствует только о том, что основатель ислама был простой восточный араб, со всеми его слабостями, страстями, понятиями и вкусами; вследствие чего он не мог внести в жизнь своего народа более совершенных нравственных понятий и в своей реформаторской деятельности явился только фокусом, в котором отражаются все свойства старого араба-язычника, и из которого происходят все недостатки современного мусульманина. Религия эта освящала божественным авторитетом то, что чувствовалось арабу, нравилось ему и казалось естественным. Религиозность же Мухаммеда и религиозность, доходившая до крайней степени напряженности, была тем его свойством, которое подкупало в его пользу арабов.

Она развивалась в нем с детских годов его сиротства. Взятый по смерти матери под опеку деда Абдуль-Мутталиба, главного жреца Каабы, он с шести лет присутствовал при всех религиозных обрядах и церемониях, совершаемых дедом, и под влиянием примера этого набожного старика развивался в том же набожном направлении.

¹⁰² Шашков. Исторические судьбы женщины. С. 73–74.

Последующие годы его проходили в частых общениях с представителями других религий, епископами (например, Коссом), монахами (например, Сергием или Багирой) и иудейскими раввинами. Все это способствовало развитию в нем религиозной настроенности. Выступивши в качестве религиозного реформатора, он часто выражал эту настроенность. Без мысли о Боге он, говорят, не садился и не вставал. В печали и огорчении, в радости и несчастье он обращался к Богу¹⁰³. Когда первые плоды были приносимы к нему, он целовал их, ставил перед собой и молился: «Господи, как Ты показал нам первые, покажи и последние»¹⁰⁴. Когда Омар попросил у него позволения переменить его жесткую тростниковую постель на более мягкую, «так как нигде цари не отказывают себе в этой роскоши», он отказал ему в просьбе и сказал: «Нам будущая жизнь, а им настоящая»¹⁰⁵. Этой религиозности Мухаммеда, доходившей до молитв о гибели врагов и полной преданности Богу, нельзя не видеть в Коране. Смотря на все с религиозной точки зрения, он везде видел руку Божию. Всякое явление, важное и незначительное, благодетельное и вредоносное, приятное и неприятное, он объяснял хотением Бога.

Вера и неверие, победа и поражение, по его убеждению, зависели от Бога. Всякое событие в жизни всех людей и каждого человека в частности, неурожай и голод, смерть и избавление от нее заранее определялись Богом. Таким образом, крайняя религиозность Мухаммеда была причиной всех тех стихов Корана, в которых ясно проглядывает фаталистическое мировоззрение. Этой же чертой характера Мухаммеда объясняются и такие стихи, где он свои недостатки (например, малограмотность, частое забвение), свои несчастья и удачи (например, в битвах и т. п.) приписывал влиянию Бога и Его намерениям. Понятно, какое сильное впечатление должна была производить эта религиозная настроенность Мухаммеда на арабов. Но у него она доходила до крайней степени убежденности в себе и самообольщения. Нам достаточно указать в Коране только следствия самообольщения Мухаммеда.

Они сказались прежде всего в таком восторженном тоне Корана, который свидетельствует о ненормальном состоянии сознания ав-

¹⁰³ Например, после путешествия в Таиф, по приходе в Медину, в битвах, после побед и поражений.

¹⁰⁴ *Muir*. Т. 4. С. 311.

¹⁰⁵ Асбабуль-Нузуль на 76 гл., 20 ст.

тора его. Так как обман его состоял в том, что он своим субъективным возбуждениям придавал объективное значение, то он не мог выражать свое болезненное самосознание в нормальной форме. Вместо здравого выражения собственных состояний он употребляет неестественную форму второго и третьего лица, когда говорит о себе. Говоря, например, о призрачном видении ангела, он выражается так: «Его научил крепкий силою... он явился ему... он некогда видел его в другой раз» (53: 5, 6, 13).

Даже тогда, когда говорит он о своем значении, правах и способностях, употребляет или ту же форму третьего лица, или собственное свое имя, как, например, «Мухаммед только посланник» (3: 138). В обыкновенном состоянии такая форма употребляется чрезвычайно редко и только людьми, обольщающимися своим величием и славой, каковыми, например, были древнеримские диктаторы¹⁰⁶.

Обстоятельство это показывает, что в сложном процессе самообольщения Мухаммеда большое значение имело его честолюбие, которое и выплыло наружу в последний период его жизни в присвоении себе разных преимуществ.

Искренность самообольщения Мухаммеда свидетельствуется в Коране и теми стихами, в которых он обличает самого себя и обнаруживает иной раз такие слабости, которые прежде старался замаскировать.

Примерами в данном случае могут служить самообличение за отвержение слепца Абдаллаха-ибн-Омм-Мактум (80 гл. и др.) и исповедь по поводу брака с Зейнабой: «Когда ты говорил тому, кого облагодетельствовал Бог и облагодетельствовал ты: “Удержи за собой супругу твою и бойся Бога!” ты скрывал тогда в своей душе то, что Бог хотел сделать явным» (33: 37).

Эта же искренность арабского пророка в своем самообольщении завела его в такой лабиринт затруднений, которые лучше других фактов разоблачают его мнимопророческое достоинство. Только искренно самообольщенный и глубоко верующий в себя человек мог утверждать, что он может творить чудеса и послать на народ свой тяжелые бедствия. С другой стороны, только глубоко обманув-

¹⁰⁶ Эту черту подметил и превосходно выразил Шекспир в лице Цезаря, который не иначе выражается у него о себе, как в третьем лице, например: «Творением без сердца был бы Цезарь, / Когда б из страха он остался дома. / Но Цезарь не останется. / У Цезаря течет такая кровь, / Которой свойство можно изменить / Тем, от чего глупцы готовы таять... / Знай, что Цезарь справедлив / И ничего не делает без причины».

шемуся в себе свойственно отказаться от чудотворной силы, когда ее потребовали, и от угроз, когда их спросили.

Никто другой, как самообольщенный человек, не способен быть таким восковым шариком в руках обстоятельств, каким был Мухаммед. Его глубокая вера в себя проявилась в борьбе с лишениями, в терпении обид и в победе над препятствиями. Но его самообольщение, бывшее следствием впечатлительности его натуры, сказалось в тех извилистых путях, по которым его водили обстоятельства. Каждое явление в его жизни производило на него впечатление и изменяло его самосознание. Сложная перемена в его положении производит сложную перемену в его сознании. Малейший случай, минутное неудовольствие, совет, жалоба, обвинение, ссора жен — все на него действует и отражается не только на его нервной системе, но и на его мировоззрении. Все это характеризует не крепкого духом посланника Божия, каковы были пророки и священные писатели, не сосредоточенного на одной идее философа, каким был, например, Будда, не составившего честолюбивые планы обманщика, а слабую впечатлительную душу болезненного и самообольщенного самозванца.

Наконец, вот еще черта, присущая всем увлеченным энтузиастам, до самообмана преданным своим мистическим идеалам, — это увлекательное красноречие. Лазоретти, Брианд, Лойола, Петр Пустынник, Жанна д'Арк, Сведенборг — все они отличались мощной силой слова, как Мухаммед. Вытекающая из фанатической преданности своему убеждению, из расстроенного разными образами сердца, эта сила, в соединении с излишними сверх привычных ощущений поступками умоисступленных людей, производит потрясающее впечатление на массы остальных людей, поглощенных заботами об удовлетворении своих потребностей, увлекает эти массы и еще более развивается в этом увлечении. Красноречие Мухаммеда также выразилось в Коране, но в различное время в различной степени.

Таким образом, мы видим, что каким Мухаммед является пред нами в фактах своей деятельности и жизни, таким он оказывается в Коране. Коран — это зеркало Мухаммеда, или, по арабской пословице: «Его характер — Коран»¹⁰⁷. «Скажи мне что-нибудь о характере Мухаммеда», — спрашивали иногда Айшу арабы. «Или ты не имеешь Корана, или ты не араб и не знаешь арабского языка?» — спрашивала тогда в свою очередь она и, когда ей от-

¹⁰⁷ Katibal Wackidi. S. 70. Цит. Мюиром. Т. 1. С. 27.

вечали в положительном смысле, она говорила: «Так зачем же ты беспокоишь меня такими вопросами? Характер пророка есть не что другое, как Коран». Это предание мусульманское прекрасно говорит, как понимали отношение Корана к Мухаммеду самые близкие к нему люди.

Что же мы должны сказать о вере современных нам мусульман в личность Мухаммеда и в Коран, который, по их догматике, не написан Мухаммедом, а существует от вечности на престоле Божиим и лишь по частям был продиктован ему архангелом Гавриилом?

Мы должны сказать то, что видим; а видим мы следующее.

Между обстоятельствами жизни Мухаммеда и его откровениями в Коране существует неразрывная связь.

Страна, в которой жил Мухаммед, своими впечатлениями на него положила неизгладимую печать не только на язык и выражения, но на мысль и на догмат вероучительной книги ислама.

Арабскоязыческие, иудейские и христианские элементы исчерпывают собою почти все содержание Корана с сохранением следов самого способа ознакомления с ними Мухаммеда. Своеобразная же комбинация их в Коране объясняется различными обстоятельствами в жизни основателя ислама.

Перемена в общественном положении Мухаммеда с переселением его из Мекки в Медину сопровождалась такою переменой в его откровениях, что причинная связь последних с первыми делается несомненной. Изменение откровений касалось не только содержания, но и формы, внешней отделки их. Различные отношения между Мухаммедом и иноверцами в разное время вели его к разным взглядам на их учение, на религию вообще и на собственную миссию.

В историю пророков Мухаммед вносил черты из собственной деятельности. В изображение всеобщего суда и загробной жизни он перенес картины из испытанной им действительности.

Семейные обстоятельства Мухаммеда послужили не поводом, а причиной многих законов Корана, взглядов на супружеское счастье и нескольких стихов увещательного характера по отношению к женам его.

Разные случайные обстоятельства, как-то: советы, жалобы, улики, слова и поступки разных лиц и разные приключения в походах — были для Мухаммеда причиной, а не поводом к объявлению очень многих стихов Корана.

Черты жизни, способностей и характера Мухаммеда отобразились в Коране, как в зеркале, и проявились не только в изложении его, но и в содержании.

Следовательно, учение мусульман о Коране как вечном и несовершенном слове Божиим или как о копии со свитков, находящихся на небе, — учение, с точки зрения которого не должно быть и речи о влиянии на Коран кого бы и чего бы то ни было, находится в противоречии с фактами и не имеет основания. Коран должен быть признан произведением самого Мухаммеда.

Что же касается личности Мухаммеда, то нет недостатка в таких фактах и личных качествах его, которые противоречат мусульманскому же идеалу пророка. От остальных арабов его отличала только ошибка самосознания. С убеждением приписать свое произведение Богу значит быть самообольщенным и находиться не в нормальном состоянии самосознания.

Примечание

Смирнов Феодор Антонович (1865 — после 1917) — русский православный богослов, историк и педагог. Выпускник Казанской духовной академии, инспектор татарского отделения при Закавказской учительской семинарии в г. Гори (Тифлисской губернии). Автор ряда полемических исламоведческих сочинений: «Зависимость мнимо-божественных откровений Корана от обстоятельств жизни Мухаммеда» (Казань, 1893), «Мухаммед в фактах жизни и в словах Корана» (Казань, 1891), «Магомет. Пособие по изучению Ислама» (Владикавказ, 1891), «Высокоторжественные дни» (Тифлис, 1898). В своих трудах Ф. А. Смирнов обнаружил серьёзное знакомство с мусульманской литературой и современными ему исследованиями учёных-религиоведов.

Печатается по: *Смирнов Ф.А.* Зависимость мнимобожественных откровений Корана от обстоятельств жизни Мохаммеда. Казань, 1893.

